

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Дьячков С. В. (Харьков, Украина) Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 57 – 79.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

С. В. Дьячков

РИМСКИЕ ГРАЖДАНЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Сives Romani вписали не одну страницу в историю становления и укрепления римской мировой державы. Предоставление прав и привилегий римского гражданства провинциалам и жителям зависимых территорий позволяло римлянам создавать надежную социальную опору в проведении имперской политики в самых разных районах античного мира [1, с. 187; 2, с. 359–372; 3, р. 6; 4, с. 224–229; 5, с. 24; 6, р. 52; 7, с. 179; 8, р. 149–153]. В провинциях и на периферии империи складывается специфическая, привилегированная социальная группировка, объединяемая общностью прав, обязанностей, имуществ и политических интересов. Состав римских граждан на периферии был достаточно пестрым, они заметно отличались по своему происхождению и положению в обществе. По этому поводу Ф. Энгельс хлестко отметил: «Новоиспеченное римское гражданство... не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» [9, с. 147]. В условиях размывания полисной, племенной, этнической обособленности складывается феномен римского гражданства, анализируя который В. Сестон приводит слова Элия Аристида, утверждавшего, что «мир никогда не видел ничего похожего» [10, с. 1].

Как и повсюду, появление римских граждан среди жителей античных государств Северного Причерноморья было связано с усилением здесь римского влияния и присутствия. Однако долгое время в отечественной литературе доминировала точка зрения, что римское влияние на северном берегу Понта было незначительным [14, с. 37]. Считалось, что варварские народы, проживавшие на будущей территории СССР, успешно противостояли имперской экспансии крупнейшей рабовладельческой державы и одерживали победы над ней [15, с. 77]. Укрепление государственности, новый подъем хозяйства и культуры в первые века н. э. связывались прежде всего с туземным в первую оче-

редь сарматским, влиянием [16, с. 146; 17, с. 103]. Присутствие римских граждан среди жителей Северного Причерноморья не привлекало внимания исследователей, и большинство из тех, кто так или иначе затрагивал этот вопрос, ограничивались констатацией факта [18, с. 252, 253; 19, с. 32; 20].

Т. Н. Книпович одной из первых предприняла удачную попытку не просто зафиксировать наличие римских граждан в Ольвии, но проанализировать их происхождение и положение в составе населения города I–III вв. н. э. [21, с. 189–197]. В трудах В. И. Кадеева детально изучен вопрос о жителях Херсонеса с двойным гражданством. По его мнению, римские граждане города рекрутировались из числа местной знати и богатеев. Они занимали высокое общественное положение, будучи магистратами и членами Совета. Эта группировка херсонеситов по своим политическим ориентирам смыкалась с римскими либертинами и их потомками, а также выходцами из других районов Римской империи, являясь надежной опорой Рима в Херсонесе [22, с. 42, 43, 82–84; 23, с. 155–160; 24, с. 197, 198]. Автор настоящей статьи неоднократно касался проблем статуса и роли римских граждан в политической и общественной жизни Ольвии и Боспорского царства [25, с. 120–129; 26, с. 81–91; 27, с. 244–248].

При изучении римского гражданства решающее значение имеют данные ономастики. Общеизвестно, что статус римского гражданина очевидно обнаруживается в трехчленном имени: *граепотеп*, *потеп*, *согнопеп*. Новые римские граждане получали личное и gentilное имя императора или должностного лица, «виновного» в появлении еще одного *cives Romanus*, а в качестве *согнопеп*, как правило, сохраняли свое прежнее имя [3, р. 6–8; 11, р. 24; 12, р. 111, 112 и др.]. В I–II вв. и вплоть до эдикта Каракаллы 212 г. незаконное присвоение себе *tria nomina* преследовалось и считалось тяжким преступлением. В пору правления императора Клавдия человек, ложно выдававший себя за римского гражданина, рисковал оставить свою голову на Эсквилинском поле (Suet. Claud. 25,3). Причем чистоту гражданских рядов оберегали не только в Италии, но и далеких провинциях [13, р. 33]. Поэтому с большой степенью вероятности можно предполагать, что лица, номенклатура которых содержала хотя бы два компонента *tria nomina* (и прежде всего родовое имя), были римскими гражданами.

Накопленный материал, исследования последних лет, посвященные римскому периоду истории античных государств Северного Причерноморья, а также новые данные лапидарной эпиграфики позволяют обобщить свидетельства о римских гражданах на северном берегу Понта. Возникновение новой социальной группировки среди населе-

ния, ее влияние на общественно-политическую жизнь северопонтийских государств необходимо рассматривать как одно из проявлений романизации, тесно связанное с римской политикой вообще. Этой задаче посвящена настоящая статья.

Учитывая доминирующее положение Боспора в Северном Причерноморье, Юлий Цезарь после разгрома Фарнака в 47 г. до н. э. игнорировал притязания Асандра на местный престол и попытался поместить там своего верного союзника Митридата Пергамского. Решительное сопротивление, оказанное узурпатором Асандром римскому ставленнику, и гибель Митридата (Strabo. XIII, 4, 3) расстроили планы Цезаря, однако он воздержался от необдуманных действий и поспешной реакции. Боспор лежал в стороне от основных направлений имперской экспансии, а война здесь была сопряжена с многочисленными трудностями (Dio. XXXVII, 3,2) и, по меткому замечанию Тацита, ее победный исход не сулил большой славы, но велик был позор в случае неудачи (Тас. Апп. XII, 20). К тому же брак Асандра с Динамией — внучкой Митридата Евпатора, сделал его претензии на царство вполне обоснованными [28, с. 313].

Цезарь не стал долго горевать по случаю гибели царя Митридата, которому он был весьма обязан, и, вероятно, приняв от Асандра заверения в лояльности, летом 46 г. до н. э. вернулся в Рим. Здесь он нашел способ сдерживать амбиции боспорского царя, даровав элевтерию Херсонесу Таврическому — извечному сопернику Боспора в Таврике. Принятию этого решения способствовало посольство херсонеситов, добивавшихся благорасположения со стороны Цезаря [29, с. 2, 3]. Возглавлял посольство Гай Юлий Сатир, сын Феагена [IOSPE, 1², № 691]. Личность Гая Юлия Сатира весьма любопытна, по существу это первый известный нам *civis Romanus* среди жителей Северного Понта. Цезарь щедро раздавал права римского гражданства царям, общинам, отдельным персонам [29, с. 14; 2, с. 369]. Однако на Востоке, и уж тем более в Таврике, римские граждане в то время были исключительной редкостью. Успешная миссия Юлия Сатира свидетельствует, что уже в середине I в. до н. э. немногочисленные римские граждане способствовали укреплению римского влияния, выступая посредниками между жителями припонтйских городов и римскими властями.

М. И. Ростовцев в остроумной гипотезе относит Гая Юлия Сатира к числу видных представителей эллинистической литературы или крупных морских торговцев [29, с. 11, 12]. Нам представляется, что происхождение Сатира, сына Феагена, следует искать среди городской верхушки Гераклеи Понтийской — метрополии Херсонеса. В середине I в. до н. э. гераклеоты отстраивали разрушенный город и восста-

навливали былые отношения с Римом, закрепленные в 189 г. до н. э. договором о дружбе и союзе [30, с. 241]. В возрождении Гераклеи не последнюю роль играли отношения с экономически состоятельным Херсонесом, которому следовало помочь в приобретении соответствующего политического статуса.

После гибели Юлия Цезаря ситуация в Северном Причерноморье существенно изменилась. В своей восточной политике Марк Антоний опирался на союз с эллинистическими монархами [29, с. 19; 2, с. 365]. Как следствие, укрепились позиции Асандра, который именовал себя «царем царей» и носил титул «друга римлян» [КБН, № 30]. Царь вел интенсивное строительство оборонительных сооружений, прикрывая Таврику от набегов многочисленных соседей-варваров [31, с. 107], что, разумеется, не могло идти вразрез с интересами Рима. Надпись наварха Панталеонта также свидетельствует о повышении активности Боспорского царства на море [КБН, № 30]. Наряду с другими припонтийскими городами, Марк Антоний после 42 г. до н. э. лишил Херсонес автономии, дарованной Цезарем [29, с. 18, 19; 32, с. 97; 33, с. 72; 24, с. 6]. В этих условиях город, вероятно, занимал подчиненное положение в *ΣΥΜΜΑΧΙΑ* с Боспорским царством, что и позволило Страбону сделать вывод о зависимости Херсонеса от властителей Боспора (Strabo. VII, 4,3). Однако, по мнению В. М. Зубаря, данные нумизматики и свидетельства Страбона о положении Херсонеса не могут рассматриваться в качестве убедительного источника применительно к 40-м годам I в. до н. э. К сожалению, автор ограничился критическими замечаниями, и остается непонятным — сохранил Херсонес элевтерию при Марке Антонии или нет [34, с. 14, 15].

На наш взгляд, логика событий показывает, что Херсонесу так и не удалось сохранить утвержденные Цезарем автономные права. Только этим можно объяснить дерзкую попытку боспорского царя Асандра полностью подчинить город своей власти [32, с. 98; 35, с. 75; 36]. Маловероятно, чтобы боспорский царь осмелился (прямо или косвенно) выступить против города, подчинявшегося непосредственно Риму. Драматические коллизии боспоро-херсонесского противостояния, по всей видимости, развернулись на фоне борьбы Антония и Октавиана, завершившейся в битве при Акции победой последнего. Благоприятная ситуация подталкивала херсонеситов искать покровительства у Августа, благоволившего греческим городам [37, с. 131]. Очевидно, ему и принадлежит заслуга утверждения основ взаимоотношений между Херсонесом Таврическим и Боспорским царством. Быть может, содействовал этому римский гражданин Корнелий Пудент, удостоенный херсонесской общиной проксении [IOSPE, I², № 356].

После смерти Асандра единоличной правительницей Боспора становится царица Динамия. Надписи царицы обнаруживают ее полную лояльность императорскому дому [КБН, № 31, 38, 978, 979, 1046]. Динамия называла императора «правителем всей земли и моря» [КБН, № 1046], носила ко многому обязывающий титул «друга римлян» [КБН, № 38, 978]. Подобно гомеровской Пенелопе царица Боспора становится весьма престижной «невестой» в Восточном Средиземноморье, где еще с мифических времен рука дочери или вдовы царя гарантировала царский статус ее супругу.

Попытка узурпации власти на Боспоре в 22–20 гг. до н. э. неким Скрибонием, претендовавшим на руку Динамии, была откровенной авантюрой, которую быстро пресекли боспорцы, боявшиеся возобновления вражды с Римом. Однако Август не оставил без внимания этот эпизод. На Боспор в качестве соправителя и мужа Динамии был послан Полемон I, опиравшийся на авторитет Агриппы (Dio. XLIV, 24). Среди малоазийских монархов Полемон был весьма колоритной фигурой. Титул царя он получил от триумвира Марка Антония (Strabo. XII, 8, 16), затем правил Колхидой и Малой Арменией (Strabo. XI, 2, 18; Dio. X IX, 33), воевал парфян вместе с Антонием. На стороне последнего войска царя приняли участие в битве при Акции (Plut. Ant. 38, 61). После гибели Антония I удалось не только сохранить власть, но и стать в ряд «союзников и друзей римского народа» (Dio. LIII, 25). Он решительно укреплялся на Боспоре, используя для этого военную помощь Херсонеса, о чем недвусмысленно говорит одна из надписей [IOSPE, I², № 419]. Подрывая экономическую основу местной знати, царь разорил многие сельские поселения Европейского и Азиатского Боспора [38, с. 158–167]. Круто обошелся царь Полемон I с Танаисом, разрушив мятежный город (Strabo. XI, 2, 3).

Этот «послужной список» делает вполне правдоподобной версию о том, что боспорский царь имел права римского гражданина и его полное имя Марк Антоний Полемон [39, р. 41–43]. Он был верным союзником Марка Антония [40, с. 309], который по закону Муниция-Эмилия имел право даровать римское гражданство [2, с. 362]. Последней женой Полемона I была внучка триумвира Пифодорида, дочь царя звали Антонией Трифеной [41, с. 17], внук чеканил монеты, где именовал себя Марком Антонием [42, с. 104].

Известно, что царь Полемон I погиб в борьбе с аспургианами (Strabo. XI, 2, 11). На наш взгляд, гибель царя — римского гражданина, ставленника Августа — привела к глубокому кризису царской власти на Боспоре (ср. 43). До сих пор остается загадкой: кто же правил на Боспоре с 8 г. до н. э. по 14 г. н. э.? Эпиграфические памятники не называют

боспорского властителя этого времени. На золотых и медных монетах имя царя скрывается под скромными монограммами, уступая место портретам Августа и Агриппы [44, каталог № 255–296].

Воцарение на престоле Аспурга ознаменовало качественно новый этап в боспоро-римских отношениях и в политической ситуации на северном берегу Черного моря в целом. Аспург был признан царем именно в Риме [45, с. 202]. Очевидно, Аспург предпринял поездку в Рим после смерти Августа, стараясь добиться признания со стороны Тиберия. Ведь личные симпатии императора определяли судьбы царств и народов [39, р. 58]. Тиберий и Аспург положили начало союзу двух государств в форме *amicitia* [45, с. 206]. Имя Тиберий Юлий становится династическим именем боспорских правителей I–IV вв. и самым распространенным среди римских имен в ономастике жителей царства. Среди Юлиев Боспора были римские граждане — выходцы из Малой Азии и других районов Причерноморья [КБН, № 59, 572]. Во II–III вв. имя Юлий носили члены царской «фамилии», придворные сановники и царские вольноотпущенники [26; 27].

Впервые имя Тиберий Юлий встречается в титулатуре Котиса I [КБН, № 69], что вызвало различные комментарии специалистов [28, с. 324; 46, с. 72; 19, с. 104 и др.]. Наиболее убедительной представляется точка зрения, что царь Аспург получил права римского гражданства, а вместе с ними и императорское гентильное имя [47, с. 189; 48, с. 122; 39, р. 41]. Это предположение пока не подтверждается источниками, но, следуя законам римской номенклатуры, *граепопеп* и *попеп* Тиберия среди боспорских царей мог получить только Аспург, поскольку он умер через год после Тиберия. Я не исключаю, однако, что званий и привилегий римских граждан могли удостоиться сыновья царя Аспурга Митридат и Котис. К таким размышлениям приводят слова Митридата, сына Аспурга, когда тот, после поражения в римско-боспорской войне был доставлен к императору Клавдию, перед которым держался дерзко и, если верить слухам, заявил: «*Non sum remissus ad te, sed reversus ...*» (Тас. Анн. XII, 21). Использование Тацитом глагола «вернулся» подводит к мысли о том, что Митридат бывал в Риме, причем довольно продолжительное время, возможно в качестве заложника. Заложничество широко практиковалось римлянами в отношениях с зависимыми царями. Известно, например, что Реметалк, Полемон, Котис, сыновья фракийского царя Котиса, были «сотоварищами» и «совоспитанниками» молодого Калигулы [49, с. 3]. Жизнь в Риме развращала царских отпрысков, питала их проримские настроения [39, р. 9–13].

В зависимых царствах от Британии до Северной Африки права римского гражданства предоставлялись прежде всего лояльным мо-

нархам [39, р. 39–45]. Новый статус сулил значительное повышение престижа внутри страны и в глазах соседей. Не случайно вифинский царь назвал себя римским либертином (App. Mithr. 2), а в «Сатириконе» один из персонажей Петрония утверждал, что, будучи царским сыном, он добровольно предпочел рабство, чтобы со временем стать римским гражданином, а не быть вечным данником (Petr. Satir. LVII).

Царь Аспург вошел в историю античного Причерноморья как энергичный правитель и тонкий политик. Вероятно, в годы именно его правления на Боспоре был учрежден культ римских императоров [17, с. 191–195]. Позднее боспорские монархи выполняли функции первосвященников императорского культа [КБН, № 41, 42, 44, 53, 582 и т. д.], что также предусматривало у них наличие прав римских граждан. Продолжая дело Асандра, Аспург возводит оборонительные сооружения на европейской и азиатской границах Боспора [31, с. 107; 51], что стабилизировало положение страны и привело к росту населения столицы [16, с. 146]. Аспург подчинил скифов и тавров, его признали царем синды, меоты, тореты, псесы, танаиты [КБН, № 39]. Нам ничего неизвестно о каких-либо самостоятельных внешнеполитических шагах Херсонеса Таврического в это время. Установление в городе статуи Аспурга свидетельствует все же о зависимом или, скорее, подчиненном положении города по отношению к Боспорскому царю [IOSPE, I², № 573].

На наш взгляд, есть все основания говорить об утверждении боспорской гегемонии в Таврике в первой половине I в. н. э. Это стало возможным благодаря римско-боспорскому союзу, превратившему боспорских правителей в лояльных посредников между Римской империей и варварским полем.

В начале н. э. очень непростым было положение Ольвии. В середине I в. до н. э. геты разграбили и разрушили город. Вновь затеплилась жизнь в Ольвии через десятки лет [52, с. 140]. Если верить Диону Хризостому, побывавшему в Ольвии в 97 г., город даже в то время имел весьма неприглядный вид (Dio Chrys. XXXVI), а его территория сократилась втрое [53, с. 134]. Возрождение города было возможно только при наличии надежного покровителя. Поэтому особое значение для Ольвии приобрели отношения с Римом, влияние которого крепло в соседних западнопонтийских городах. Здесь, по свидетельству Овидия, были замирены агрессивные соседи (Ovid. Ex. Ponto. IV, 9, 75–80); налаживалась городская жизнь (Ovid. Ex. Ponto. IV, 9, 15; 14, 51–56). Не удивительно, что в полуразрушенной Ольвии Абаб, сын Каллисфена, сооружает портик в честь Августа, называя последнего «отцом человечества и всего человеческого рода» [IOSPE, I², № 181]. В надписи из Византия узнаем, что ольвиополит Оронт, сын Абаба, был «известен

августам» и покровительствовал всем приезжавшим в торговую пристань [IOSPE, 1², № 79]. Надо полагать, что проримские настроения зрели не только среди торговой верхушки города.

В середине I в. н. э. римляне были вынуждены резко активизировать свою политику в Северном Причерноморье и противопоставить военную мощь сепаратизму царя Митридата VIII, сына Аспурга (Тас. Апп. XII, 15–21). Итоги войны были крайне тяжелыми для Боспорского царства. Судя по источникам, после войны замирает внешнеполитическая деятельность боспорского правителя. Послушный Тиберий Юлий Котис I в 63 г. прекращает чеканить монеты от своего имени. Монеты Боспора стали похожими на чекан римских провинций, а царь в них даже не упоминается [54]. Не исключено, что сумасбродный Нерон готовил Боспору судьбу царств Каппадокии, Фракии, Понта, превращенных в римские провинции.

Однако и для Рима ослабление Боспора привело к нежелательным последствиям. На северном берегу Черного моря значительно активизировались варвары. Под своеобразным патронажем варварского царя Фарзоя оказалась Ольвия [55; ср. 56, с. 65–70]. Скифы осадили Херсонес, вынудив римлян организовать поход в Таврику под руководством Плавтия Сильвана [22, с. 20; 34, с. 26–29]. Только после смерти Нерона римской политике в Северном Причерноморье постепенно вернулась прежняя гибкость. Бережное отношение Веспасиана к уже завоеванному, смуты времен Домициана, походы Траяна — все это требовало значительного напряжения сил и средств, а дакийские и парфянские проблемы заставляли римлян любой ценой поддерживать стабильность на северном берегу Понта.

В этих условиях римляне возвращаются к испытанной практике и доверяют союзным царям Боспора защиту своих интересов в Северном Причерноморье. На рубеже I–II вв. растет внешнеполитический авторитет боспорских монархов. Тиберий Юлий Савромат I «облагодетельствовал» союз «молодых никейцев». Декурионы Синопы ставят этому царю статую и называют его «выдающимся другом императора и римского народа» [КБН, № 44, 46]. Царь ведет постоянную переписку с императором (Plin. Epist. X, 63–65). В документах цари выразительно подчеркивают наследственный характер своей власти и, следовательно, преемственность политики союза с Римом. В одной из надписей (КБН, № 47) будущий царь Савромат упоминает отца, деда, прадеда (Рескупорид I, Котис I, Аспург). На дупондиях Савромата I и Котиса II упоминается Аспург как основатель династии [57, с. 76]. Савромат I и Котис II одерживают крупные победы над варварами [КБН, № 32, 33]. На монетах появляются изображения пленников и захваченных крепостей [44, с. 101].

Однако теперь, учитывая уроки войны 45–49 гг., римляне укрепляли свое влияние не только в царской семье. Поэтому вполне логичным стало появление на Боспоре римских граждан среди власть имущих. Очевидно, это произошло еще при Флавиях. Нам известен Флавий Ахеман, сын Ахемана, боспорец, умерший в Ольвии [IOSPE, 1², № 202]. Его имя не оставляет сомнений в местном, весьма сановном происхождении этого римского гражданина [58, с. 86]. Новые римские граждане появляются на Боспоре в период правления императора Траяна. Среди них выделим Марка Ульпия Прима, поставившего статую «своего благодетеля» царя Савромата I [КБН, № 43]. Надпись датирована 97 г., а Траян стал императором в январе 98 г. Остается предположить, что Прим получил гражданство, раепотеп и потеп Траяна еще в то время, когда тот был наместником в Германии. В этом случае уместно вспомнить эдикт Домициана о гражданстве ветеранов [2, с. 371] и разнообразное римско-боспорское военное сотрудничество [59, с. 148]. Имя Прим, столь популярное среди военных, peregrinov и отпущенников [60, р. 125], на Боспоре встречается только дважды [КБН, № 43, 489]. Вероятно, Ульпий Прим не был уроженцем Боспора.

Но были римские граждане и среди местного населения. В надписях упоминаются наместник царской резиденции Ульпий Парфенокл [КБН, № 628], начальник острова Ульпий Антимах, сын Мастуса, и его жена Ульпия Каллисфения [КБН, № 697]. При упоминании об Ульпиях обычно ссылаются на надпись в честь крупной победы Савромата I над скифами, где фигурируют военачальники Парфенокл и Антимах [КБН, № 32]. Быть может, за участие в сражении им и было даровано римское гражданство? Ведь варвары вполне реально угрожали интересам Рима в Северном Причерноморье. Замечателен тот факт, что Марк Ульпий Парфенокл закончил свою жизнь в Ольвии [IOSPE, 1², № 203]. Эпитафия выдает варварское происхождение этого римского гражданина и боспорского сановника. В надписи на надгробии указан его агпотеп — Мастус — имя, полученное при рождении и имеющее ярко выраженные иранские корни [61, § 269, s. 186]. Очевидно, что Ульпий Парфенокл, он же Мастус, и Ульпий Антимах, сын Мастуса, связаны родственными узами. К этой семье, представляющей верхушку боспорского общества, принадлежит хилиарх Ульпий Антисфен, сын Антимаха, поставивший статую своего «владыки» царя Рескупорида III [КБН, № 53]. Не исключено, что Марк Ульпий Парфенокл, он же Мастус, а также Флавий Ахеман, сын Ахемана, и другие боспорцы [IOSPE, 1², № 202–204] оказались в Ольвии в качестве «специалистов» по борьбе со скифами. В этой связи представляется весьма вероятным предположение М. И. Ростовцева о своеобразном боспорском протекторате над

Ольвией [47, с. 191]. В. М. Зубарь, развивая предположение М. И. Ростовцева, выдвинул интересную гипотезу о присутствии в Ольвии отряда боспорских катафрактариев, направленных для защиты города по распоряжению римской администрации [88, с. 149, 150]. Однако он не объяснил, почему надгробные памятники павшим боспорцам установлены ольвийскими магистратами, а не товарищами по оружию.

В конце I — первой трети II вв. вполне определенная проримская партия складывается и среди ольвиополитов. И здесь римские граждане из числа жителей города появляются впервые во времена Флавиев. Так, на выпусках золотых и медных монет середины 70-х годов специалисты единодушно читают легенду **ΧΤΦΣΩΠΑ** как «архонт Тит Флавий Со..., сын Па...» [63, с. 19; 64, с. 142]. Знаменательно, что чекан монет с именем архонта Тита Флавия Со... по существу завершил выпуск монет Ольвии, в которых фиксировался протекторат Фарзоя над городом [56, с. 70]. Имя архонта Флавия Гипания выбито на медных тетрассариях середины 80-х годов I в. н. э. [65, с. 55; 56, с. 70, 71]. Люди, носившие *nomen gentile* императоров династии Флавиев, упоминаются в надписях Ольвии и гораздо позже, среди них стратег Флавий Филумен [IOSPE, 1², № 136]. Вполне возможно, что эта группа жителей Ольвии с двойным гражданством имела заметное влияние в политической жизни Ольвии.

Приведенные наблюдения противоречат антиримским мотивам известной речи Диона Хризостома, которые долгое время безоговорочно принимались специалистами. А ведь Дион, по его же словам, прибыл в Ольвию «сразу после изгнания» (Dio Chrys. XXXVI). Настроения автора легко угадываются во многих эпизодах его произведения [66, р. 56–64]. Дион откровенно превозносит эллинов, в речи сквозит обида на римлян: «Городок на утесе, лучше буйной Ниневии» (Dio Chrys. XXXVI). Конечно, длительное сосуществование с варварами наложило отпечаток на этнический состав населения [89; ср. 90], внешний вид и быт ольвиополитов, однако невероятными представляются ненависть и презрение к римлянам, якобы присущие жителям Ольвии. Данные Диона никак не согласуются с тем, что все больше жителей с двойным гражданством появлялось в городе при Траяне и Адриане [21, с. 190]. Среди них были стратеги, занимавшие достаточно высокое место в городской иерархии [IOSPE, 1², № 93, 96, 129, 138]. Выделим главу коллегии стратегов, а затем и архонта-эпонима Марка Ульпия Пирра, сына Арсиоха [IOSPE, 1², № 93, 129]. Его замечательное римско-греко-иранское имя весьма удачно иллюстрирует политическую и этническую ситуацию в городе. За какие-то заслуги ему было пожаловано римское гражданство, а с ним *praenomen* и *nomen* императора Траяна, а вот

личное имя стратега, по мнению В. В. Латышева, не фракийского, но явно гомеровского происхождения [67, с. 7], зато патронимикон Арсиох относится к местным скифо-иранским корням [61, § 61, s. 72]. Характерные имена носили стратеги, получившие римское гражданство при Адриане — Публий Элий Ахилл, Публий Элий Аргамен [IOSPE, 1², № 96, 138]. Как известно, стратеги курировали вопросы обороны города. В первой половине II в. совершенствуется система оборонительных укреплений на хоре Ольвии, возведенных в традициях эллинистического и провинциально-римского военного зодчества [68, с. 48–78]. Итак, присутствие в городе римских граждан — выходцев из Боспора, распространение римского гражданства, в первую очередь среди ольвийских стратегов, возведение в округе Ольвии оборонительного укрепленного района, а также заинтересованность римских властей в стабильности на этом участке соприкосновения с варварским миром позволяют, вслед за М. И. Ростовцевым, осторожно предполагать наличие какой-либо формы союзнических отношений между Боспором и Ольвией под контролем Рима.

В первой половине II в. н. э. все более заметным становится римское влияние в Херсонесе Таврическом. В это время резко повышается социально-политическая активность херсонеситов с двойным гражданством. Еще В. В. Латышев обратил внимание на могущественную семью Флавиев [69, с. 318], представители которой занимали важные государственные посты, передавая их друг другу. Однако изучение имен лиц, носивших гентильное имя Флавиев, показывает, что в Херсонесе была не одна, а не менее трех или четырех семей с этим именем [22, с. 42].

Флавии являлись высшими магистратами и членами Совета. Особенно наглядно это видно при рассмотрении двух декретов. В одном из них (129–130 гг.) первым в списке лиц, приложивших свои печати, стоит имя первого архонта Т. Флавия Аристона, сына Флавия Аристона, внука Агеполиса [IOSPE, 1², № 359]. Во втором декрете (130–131 гг.) на первом месте имя первого архонта Т. Флавия Агеполиса, сына Флавия Аристона [70, с. 155], то есть родного брата первого архонта предыдущего года. Следовательно, два года подряд первыми архонтами Херсонеса были римские граждане, принадлежавшие к одной влиятельной семье. В 129–130 гг. высокое положение занимал Т. Флавий Пифодот, который был, вероятно, дядей упомянутых братьев. Он тоже входил в состав Совета [IOSPE, 1², № 359]. Важную должность исполнял отец Аристона и Агеполиса — Т. Флавий Аристон, который был жрецом богини Девы. Приведенные наблюдения В. И. Кадеева убедительно свидетельствуют о высокой степени концентрации власти в руках немногих семей, среди которых доминировали римские граждане [22, с. 73, 74; 23].

Следует однако подчеркнуть, что происхождение Флавиев Херсонеса было различным. Э. И. Соломоник дополнила родословную таблицу Флавиев, составленную В. В. Латышевым [69, с. 319], и выделила «братьев-родоначальников»: Т. Флавия Агеполиса, Т. Флавия Насона и Т. Флавия Евридама [НЭПХ, 1973, с. 40]. Такое предположение представляется неудачным.

Члены ветви Агеполиса, выделенной В. В. Латышевым, в качестве *cognomina* носили исключительно греческие имена, распространенные в Херсонесе. Здесь строго соблюдалась греческая традиция давать ребенку имя деда. Имена Агеполис и Пифодот в надписях Херсонеса встречаются только в этой семье. Имя Аристон, как указывают надписи, носили исключительно представители городской верхушки [IOSPE, 1², № 347, 359, 363, 392, 396, 514, 701; НЭПХ, № 112, 113 и др.]. Например, в эпитафии Аристона, сына Аттины, среди прочих достоинств указывается, что покойный продолжительное время был послом к римским императорам, дважды возглавлял посольство к боспорскому царю, достойно исполнял должность жреца и т. п. [IOSPE, 1², № 423]. Т. Фл. Аристон был послом в Риме [IOSPE, 1², № 404]. Популярность имени Аристон объясняется его этимологией (ΑΡΙΣΤΟΣ — лучший, славный, знатный, благородный). За редким исключением именно «лучшие» граждане города носили имя Апполоний. Таким образом, род Т. Фл. Агеполиса составлял влиятельную группировку римских граждан из числа местных жителей. Возможно к этой группировке примыкали и были связаны с ней родственными узами Флавий Зет и секретарь Совета (?) Флавий Пифодор, имена которых сохранились на обломках недавно опубликованных надписей [71, № 4, 6].

С другой стороны, безусловно инородным элементом в ономастике Херсонеса выглядит имя Насон. Римский *cognomen* Naso (носач, носатый) редко встречается в Дунайских провинциях и Причерноморье, а чаще в северной Италии и южной Галлии [НЭПХ, 1973, с. 35]. Маловероятно, чтобы столь редкое имя оттеснило в Херсонесе «семейные» престижные греческие имена местной аристократии и его носил коренной житель города. Весьма спорным представляется восстановление имен Т. Фл. Парфенокла, сына Флавия Насона [НЭПХ, № 113], и Т. Фл. Агеполиса, сына Флавия Насона [НЭПХ, № 112]. Уверенно можно говорить лишь о жреце Т. Флавии Ксанфе, сыне Т. Флавия Насона. Дорийское имя Ксанф известно в Северном Причерноморье только из надписей Херсонеса [IOSPE, 1², № 430, 448, 482, 483 и т. д.].

Характер ономастического материала не дает никаких оснований видеть какие-либо родственные отношения между родом Т. Фл. Агеполиса и Титом Флавием Эмилианом, сыном Тита Флавия Евридама [НЭПХ,

№ 112]. Имя Эмилиан встречается в Херсонесе еще два раза. Его носил член Совета, римский гражданин Гай Юлий Эмилиан [IOSPE, 1², № 363; НЭПХ, № 113] и Эмилиан Сабин [НЭПХ, № 111], вероятно, римский отпущенник [22, с. 53]. Присоединение к родовому имени Флавиев *cognomen* Эмилиан (производное от gentilьного имени древнего патрицианского рода) в нашем случае выглядит очень искусственно.

Не нашлось места в схеме Э. И. Соломоник Титу Флавию Парфеноклу, сыну Тита Флавия Парфенокла, упомянутому в эпитафии на дорогом надгробии II в. н. э. [IOSPE, 1², № 431]. Возможно, что этот римский гражданин был номофилаком, утвердившим в 174 г. текст декрета в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды [72, декрет А]. О его местном происхождении говорит теофорное имя Парфенокл, которое встречается только в надписях Херсонеса и Боспора.

Таким образом, в Херсонесе римское родовое имя Флавий носили местные жители, члены трех-четырёх родов, члены которых использовали имена Агеполис, Аристон, Апполоний, Аттина, Пифодот, Пифодор, Зет, а также выходцы из римских провинций, носившие *cognomina* Эмилиан, Насон.

Херсонесские надписи II в. вполне убедительно свидетельствуют о проникновении в среду местной аристократии римских граждан -иноземцев, получивших доступ к высшим государственным должностям. Среди них Гай Юлий Эмилиан [IOSPE, 12, № 363; НЭПХ, № 112], Луций Антоний Руф, архонт Петроний Марин [70, с. 155]. Причем два последних — потомки римских либертинов [22, с. 51]. Дополнительные данные в этом отношении предоставляет херсонесский декрет 174 г. в честь Аврелия Кальпурниана [72; 73]. Сопоставляя номенклатурные списки 129–140 гг. с данными декрета 174 г., авторы публикации приходят к выводу о существенной смене верхушечного слоя Херсонеса [72, с. 84]. Однако этот вывод нуждается в уточнении. Среди упоминаемых в документе лиц — представители «семьи» Флавиев, «приложившие печати»: секретарь Совета Т. Фл. Аттиан, Т. Фл. Аристон, второй архонт Фл. Насон, номофилак Фл. Парфенокл. Как видно, Флавии сохранили ключевые посты в Совете за собой. Наряду с ними в состав Совета входят римские граждане Валерий Примиан и третий архонт Юлий Пизон — новые фигуры херсонесской политической элиты. Среди граждан города, добившихся высокого положения членов Совета, имеют место «новые херсонеситы», номенклатура которых — Ульпий, сын Бакхия, Пизон, сын Гая, Келериан, сын Стратофила — выделяется на фоне традиционных для Херсонеса греческих и римских имен своей искусственностью и политической ангажированностью. На наш взгляд, данные декрета 174 г. свидетельствуют о сохранении общих тенден-

ций развития херсонесского общества в конце I–II веках н. э. [22, с. 37–61], связанных с углублением римского влияния. Римское политическое давление и военное присутствие «способствовали» слиянию интересов местной аристократии, римских граждан различного происхождения, а также других выходцев из римского провинциального мира. Впрочем, аналогичные процессы в это время происходят повсеместно в зависимых от Рима странах [74, р. 162].

Как и повсюду в Средиземноморье, на северном берегу Понта римское гражданство даровалось людям знатным и богатым. Роскошный склеп Ульпиев раскопан на престижном участке пантикапейского некрополя [75, с. 398; 76, с. 81; 77, р. 318]. Достаточно высокое материальное положение подразумевают и должности, которые занимали Ульпии при дворе боспорского царя: наместник царской резиденции, начальник острова, хилиарх и др. [КБН, № 32, 628, 697]. Аналогичные явления наблюдаются и в Херсонесе Таврическом. В условиях усилившейся имущественной дифференциации римское гражданство, как правило, принимали люди состоятельные. Косвенно об этом свидетельствует их деятельность в городском Совете, но кроме того имеются интересные археологические данные. Во время раскопок богатых пристенных склепов № 1013 и 1014 была найдена свинцовая урна с прахом Элии Лаодики, дочери Зета [78, с. 119, 120]. Имя Лаодика в Херсонесе встречается среди имен женщин аристократических «фамилий» города [IOSPE, I², № 431, 432], широко известно оно и в семьях эллинистических монархов.

Длительное соседство государств Северного Причерноморья с огромной империей обусловило развитие интеграционных процессов между ними. Все более пестрым и сложным становится социальный и этнический состав простых жителей припонтских городов. Разнообразные и долговременные связи Боспорского царства с римскими провинциями в Малой Азии также способствовали появлению здесь во II–III вв. римских граждан. Среди тех, чьи предки были удостоены римского гражданства и получили императорские гентильные имена — Луций Флавий Эпитинханонт из Никеи Вифинской, житель Синопы Тиберий Клавдий Мениллион и Юлий Телесин из храмоблюстительной Гераклеи [КБН, № 44, 59, 733]. Интересно, что Флавий Эпитинханонт и Юлий Телесин были благодетельствованы боспорскими царями, которым, в свою очередь, они установили статуи. Другую группу римских граждан составили, видимо, римские либертины и их потомки [26, с. 88]. Статус и происхождение этих лиц выдают провинциальные *nomina* Цезий, Келий, Ситесий, Игнатий, а также очень редкие на Боспоре греческие *cognomina*, распространенные в рабской среде: Гимер, Флегонт,

Эфнидий [КБН, № 86, 655, 703а, 752]. В греческой эпитафии врача-эмпирика Авла Ситесия когномен, вероятно, опустили намеренно, чтобы скрыть его отпущеннический статус [КБН, № 655]. Все эти люди закончили свою жизнь на Боспоре. Вероятно, вместе с другими мелкими ремесленниками, торговцами, представителями интеллигенции они оказались в потоке малоазиатской эмиграции, причины которой следует искать в римской провинциальной политике.

В это время все более ощутимым становится наличие иноземцев среди жителей Херсонеса. В одной из эпитафий упомянута Ульпия Макария [IOSPE, 1², № 453]. Ее имя составлено по римской структуре — женщины не имели граепотен и, как правило, принимали родовое имя мужа. Однако ее супруг носил греческое имя — Феаген, сын Хрестиона. Человек с таким именем входил в состав Совета в первой половине II в. [НЭПХ, № 112], но, судя по имени, он не был римским гражданином. А его жена носила номен императора Траяна! Вероятнее всего, Ульпия Макария была дочерью римского гражданина или либертина. После замужества она сохранила свое престижное гентильное имя. В эпитафии Ульпии и Феагена указан возраст покойных, что особенно характерно для малоазиатских памятников. Упомянут возраст и в эпитафии Элия Гераклиана, вырезанной на плохоньком известняковом надгробии [IOSPE, 1², № 476]. Судя по памятнику, положение Элия Гераклиана в херсонесском обществе не было сколько-нибудь значительным.

Свободное население Ольвии также пополняется выходцами из других районов античного мира. Например, в греческой эпитафии на простеньком надгробии упоминается некий Элий Квинтилий, похоронивший своего шестнадцатилетнего сына Леона [IOSPE, 1², № 225]. Судя по имени, Квинтилий был римским гражданином, но не коренным ольвиополитом. Об этом говорит и редкое имя покойного, больше напоминающее прозвище, и необычная для Ольвии формула эпитафии. Археологические данные позволили С. Б. Буйских выдвинуть предположение о существовании на хоре Ольвии поселений римских ветеранов [68, с. 136]. Быть может, Элий Квинтилий был ветераном римской армии? Перегрины при вступлении в римское войско зачастую получали имена производные от порядковых числительных [80, р. 183]. Для Квинтилия римское имя стало основным, но греческий язык остался родным. Не были, видимо, коренными жителями города Гай Атилий Мин и его жена Юлия Феодора [IOSPE, 1², № 193]. И в данном случае муж и жена носили разные гентильные имена. Объяснение этому следует искать в социальном происхождении супругов.

Таким образом, в составе римских граждан, проживавших в государствах Северного Причерноморья, вполне заметна прослойка ино-

земцев, среди которых были римские отпущенники и их потомки. Известно, что римские либертины вместе с освобождением получали права римского гражданства [81, р. 97]. По мнению одного из родственников жены Плиния Младшего, новые граждане из числа отпущенников способствуют укреплению родины (Plin. Epist. VII, 32). Как правило, римские отпущенники отличались предприимчивостью и высокой социальной мобильностью.

Победы римского оружия на Дунае в начале II в. н. э. требовали усиления позиций на северном берегу Понта, где чрезмерное повышение авторитета боспорских царей было чревато возникновением сепаратистских настроений. В 131–133 гг. цари Боспора Котис II и Реметалк чеканят золото каждый от своего имени [44, каталог № 478, 479, 502, 503]. После смерти Котиса II престол занимает Реметалк, но ни в одной надписи, упоминающей этого монарха, нет столь обычных и обязательных для Боспора ссылок на отца [КБН, № 47, 96 и др.]. В надписи 133 г. Реметалк называет императора Адриана «богом, благодетелем всего Боспора и своим утвердителем» [КБН, № 47]. Новое чтение надписи, предложенное В. П. Яйленко, предусматривает чтение ΚΤΙΣΤΗΣ как «восстановитель» [58, с. 49], что существенно уточняет смысл надписи и статус боспорского царя. Римляне всегда стремились контролировать порядок престолонаследия в зависимых и «союзных» царствах [82, р. 70]. Не исключено, что в начале 30-х годов II в. именно они спровоцировали династические неурядицы на Боспоре. Не случайно император Антонин Пий решительно изменил политику в отношении Реметалка. В первые пять лет его правления на Боспоре прекращается золотой чекан [44, № 506–508], а царь вызывался в Рим для объяснений (Iul. Capit. Ant. Pius. 9, 61. Очевидно, что более жесткая политика Рима в отношении союзного царства нашла выражение и в том, что боспорцам прекратили жаловать римское гражданство. В ономастиконе царства отсутствует гентильное имя Адриана и Антонина Пия — Элий. Перевод Г. А. Цветаевой имени ΝΑΙΣ как Элий представляется неудачным [19, с. 107], ближе к истине, пожалуй, Л. Згуста, который считал это имя автохтонным, малоазийским [61, § 399].

Затем последовала очередная римская оккупация Таврики и Ольвии. Размещение в Крыму и Нижнем Побужье римских гарнизонов, возведение укреплений и постов [34, с. 41–78] качественно изменили социально-политическую ситуацию в Причерноморье. Римское присутствие здесь отразилось также и на увеличении числа римских граждан, прежде всего за счет носивших родовое имя Аврелиев.

Например, в Ольвии это имя встречается шесть раз [IOSPE, 1², № 55, 170, 184, 185; НО, № 52, 80]. После размещения гарнизона в

Ольвии римляне внедряют своих ставленников в государственный аппарат города. В этом отношении весьма интересен почетный декрет в честь эвоката Агафокла [НО, № 45]. По мнению первого издателя надписи, документ следует датировать временем правления Септимия Севера, когда были преобразованы преторианская гвардия и провинции на Востоке [83, с. 312]. В новом издании документа неоправданно опущены некоторые дополнения, предложенные С. С. Дложевским, позволяющие говорить о том, что Агафокл носил гентильное имя Аврелий [НО, № 45, сткк. 1, 2]. По всей видимости, имя Аврелий в надписи было вырезано в сокращении Aug., что характерно для лапидарных памятников конца II—III вв. Итак, эвокат Аврелий Агафокл выполнял какое-то поручение провинциальных властей в Ольвии и «советовал народу наилучшим образом». Жители Ольвии отметили его деятельность и даровали Агафоклу проксению. *Evocati Augusti* в III в. привлекались для выполнения военных и административных функций в провинциях [84, с. 160].

Достаточно высоким было положение и других Аврелиев, пополнивших население города. В одной из надписей упомянут стратег Марк Аврелий Микион, он же Муропсаз [НО, № 80]. Агномен Муропсаз указывает на варварское происхождение ольвийского магистрата. Архонт Аврелий Василий, сын Каллисфена, построил на свои средства стратегий [IOSPE, I², № 185], а Аврелий Юлиан, сын Александра, воздвиг храм Сараписа, Исиды, Асклепия, Гигиен и Посейдона в честь императора Александра Севера, сената и воинства [IOSPE, I², № 184]. Надпись не требует комментариев относительно политической ориентации ольвиополита.

В Херсонесе лица, носившие императорское гентильное имя Аврелий, появляются начиная с 80-х годов II в. н. э. [IOSPE, I², № 393, 404, 440, 443, 448, 479, 484, 508]. Судя по именам многие Аврелии представляли пришлое население города. Например, весьма необычна для Херсонеса формула эпитафии на мраморной пластине и номенклатура «достойного уважения» М. Аврелия Ясона, сына Архия [IOSPE, I², № 479]. Однако Аврелии активно участвовали в жизни полиса. Так, Аврелий Гермократ, сын Мирона, а по природе Тимофея (?), пожертвовал на храм Афродиты из расходных сумм агораномии 3000 денариев [IOSPE, I², № 440]. Эта сумма покрывала более половины всех расходов на строительство простильного храма [85, с. 21]. Аврелий Дионисий, сын Приска, жертвует на колонну 300 денариев [IOSPE, I², № 443]. Судя по фрагменту декрета, членом Совета был Аврелий Хр... [IOSPE, I², № 393].

С вводом в цитадель римского гарнизона заметной становится в Херсонесе прослойка ветеранов римской армии и членов их семей.

Наряду с другими памятниками об этом красноречиво свидетельствует текст эпитафии почтенного ветерана Аврелия Демаса [86, с. 94]. Повидимому, с этой социальной группировкой жителей города следует связывать появление эпитафии на латинском и греческом языках, в которой говорится, что саркофаг и надгробие Аврелии Тихе заказали ее отпущенники и наследники [IOSPE, 1², № 508]. Вероятно, покойная была гречанкой, отпущенницей императорской фамилии [22, с. 50, 51], и являлась женой представителя римской администрации или офицера римской вексилляции, размещавшейся в городе. Не исключено, что интересы новой, формирующейся группировки граждан в городском Совете еще в 174 г. представлял Валерий Примиан, *cognomen* которого имеет ярко выраженное «армейское» происхождение [72, с. 85, 86; 80, р. 183]. Так или иначе, но в Совете имелись люди, принявшие к исполнению рекомендации императора Коммода ревностно заботиться о делах, касающихся римлян [НЭПХ, № 14]. К их числу, вероятно, относился и архонт Марк Аврелий Василидиан Александр [IOSPE, 1², № 404]. Следует подчеркнуть, что государство и общество Херсонеса Таврического подверглись ощутимому римскому воздействию, отразившемуся на различных сторонах материальной и духовной культуры жителей города [24, с. 187–199]. И позднее (в IV–V вв.) херсонеситы носили римские имена и, вероятно, считали себя римскими гражданами. Одним из них, например, был Квинт Луций Нюдит, упомянутый в дипинто на обломке принадлежавшей ему амфоры [91, табл. IV, 3, с. 140].

Оккупация значительной части Таврики не изменила статус Боспорского царства. Более того, Боспор сохранил положение римского союзника и вместе с римской державой к концу II в. достиг вершины экономического и политического могущества. Все более пышным становится двор боспорских владык, растет бюрократический аппарат царей. Боспор активизирует свои действия на суше и на море. При Савромате II разгромлены сираки и скифы, флот энергично действовал у южных берегов Понта [КБН, № 1237]. Рескупорид II провозгласил себя «царем Боспора и тавроскифов» [КБН, № 1008]. По мнению Зосимы, боспорские цари передавали власть по наследству, дружили с римлянами и получали императорские дары [Zosim. Hist. Nova. I, 32].

Эдикт Каракаллы 212 г. о даровании римского гражданства всему свободному населению империи лишил его былых привилегий и максимально расширил *orbis Romanus* [87, р. 220–224]. В Средиземноморье имя Аврелий становится одним из самых распространенных. Но в боспорской лапидарной эпиграфике практически не упоминаются местные жители, получившие римское гражданство вскоре после эдикта, что подчеркивает политическую самостоятельность царства. Здесь

следует вспомнить плодотворную деятельность архитектора Аврелия Антонина, волею судьбы заброшенного в Танаис [26, с. 78]. Его усилиями были отстроены стратегически важные объекты города [КБН, № 1249, 1250]. Аврелиями были послы Амастрии и Прусы, позаботившиеся о возведении статуй Рескупориду III [КБН, № 54, 55, 953]. Почести боспорскому царю от имени «совета и народа» малоазийских городов свидетельствуют о его высоком авторитете.

Позднее, в тяжелое для Боспора время середины III в., в состав местного бюрократического сословия проникают иноземцы — римские граждане. Исключительный интерес представляет памятник 249 г. с надписью от имени Аврелия Цельса в честь Аврелия Родона, сына Лоллея, «известного августам», наместника царской резиденции, хилиарха и римского всадника [КБН, № 58]. Его происхождение обнаруживает имя отца — Лоллей, единственное в надписях Боспора, оно имеет аналогии в Малой Азии [61, 823–825]. Статую всадника поставил гераклеот Аврелий Цельс, сын Цельса, признавший царского вельможу своим благодетелем. Весьма знаменательно, что в условиях нарастающего кризиса на царской службе оказался римский всадник, выходец из Малой Азии.

Суммируя вышеизложенное, подчеркнем, что статус и состав римских граждан как социальной группировки в государстве и обществе напрямую зависели от того места, которое отводилось стране в «римском мире». Поначалу основной упор в римской политике на северном берегу Понта был сделан на боспорских монархов, представлявших в конце I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. реальную силу в регионе. Им отводилась роль лояльных посредников между варварскими народами Причерноморья и римскими владениями. Венценосные римские граждане династии Тибериев Юлиев успешно справлялись с этой задачей более двух столетий.

В конце I — начале II вв. с обострением дакийских и парфянских проблем стратегическое значение государств Северного Причерноморья значительно возрастает. В этих условиях крепнут встречные интересы, — с одной стороны, римские власти стремятся укрепить здесь свои позиции, используя, помимо прочего, политических агентов в лице римских граждан из числа местной правящей верхушки и богачей; с другой стороны, соседство с римскими провинциями для упомянутых слоев населения делало римское гражданство все более привлекательным. Именно поэтому среди коренных жителей Ольвии, Херсонеса и Боспора в это время появляются Флави, Ульпии, Элии, контролировавшие важные городские магистратуры или должности при царском дворе.

В середине II в. ситуация существенно меняется. Военная оккупация позволила римлянам решительнее вмешиваться во внутренние дела

Ольвии и Херсонеса, внедряя своих ставленников — выходцев из римских провинций в государственные и общественные структуры. Номеп Аврелий становится вполне заметным в ономастиконе власть предержащих. Кроме того, включение Северного Причерноморья в орбиту римского влияния способствовало проникновению сюда довольно многочисленных выходцев из южного Понта, Мёзии, Фракии и других районов римской империи, среди которых преобладали торговцы и ремесленники — римские граждане, носившие провинциальные имена, а также отпущенники римских граждан и их потомки. Среди жителей Херсонеса и Ольвии появляются ветераны римских легионов.

Несмотря на некоторые специфические черты распространения римского гражданства, этот процесс в Северном Причерноморье не вышел за рамки традиционной и испытанной политики Рима на подвластных землях.

Литература

1. Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // ВДИ.— 1938.— № 3.
2. Машкин Н. А. Из истории римского гражданства // Известия АН СССР. Серия истории и философии.— 1945.— № 5.
3. Ramsay W. The Social Basis of Roman Power in Asia Minor.— Aberdeen, 1941.
4. Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э.— М., 1954.
5. Бешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките.— София, 1965.
6. Sherwin-White A. N. Rasial Prejudice in Imperial Rome.— Cambridge, 1967.
7. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I—II вв. н. э.).— М., 1977.
8. Brunt P. A. Josephus on Social Conflicts in Roman Judea // Klio.— 1977.— Bd. 59. H. 1.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.— Т. 21.
10. Сестон В. Римское гражданство.— М., 1970.
11. Kajanto I. Supernomina. A Study in Latin Epigraphy.— Helsinki, 1966.
12. Woloch M. Roman Citizenship and Athenian Elite. A. D. 96—161.— Amsterdam, 1973.
13. Lewis N. Life in Egypt under Roman Rule.— Oxford, 1983.
14. Шелов Д. Б. Античные государства Северного Причерноморья и их место в истории народов СССР // ВИ.— 1965.— № 11.
15. Каллистов Д. П. Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ.— 1940.— № 2.

16. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора.— М., 1964.
17. Блаватский В. Д. Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // В. Д. Блаватский. Античная археология и история.— М., 1985.
18. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.— М., 1976.
19. Цветаева Г. А. Боспор и Рим.— М., 1976.
20. Савостина Е. А. Римские имена в ономастиконе Северного Причерноморья // СА.— 1977.— № 4.
21. Книпович Т. Н. К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I—III вв. н. э. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.— Л., 1968.
22. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первые века н. э.— Харьков, 1981.
23. Кадеев В. И. Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // Проблемы античной культуры.— М., 1986.
24. Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.).— Харьков, 1996.
25. Дьячков С. В. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии I—III вв. н. э. (по ономастическим данным) // Вестн. Харьк. ун-та.— 1985.— № 268.
26. Дьячков С. В. Отпущенники и их потомки в составе населения Боспорского царства в первых веках н. э. // Вестн. Харьк. ун-та.— 1988.— № 316.— Вып. 22: История.
27. Дьячков С. В. Римские граждане на Боспоре // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III.— Симферополь, 1993.
28. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.— М.; Л., 1949.
29. Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес // ИАК.— 1917.— Вып. 63.
30. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический.— М., 1986.
31. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска.— М., 1976.
32. Белов Г. Д. Херсонес Таврический.— Л., 1948.
33. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э.— М., 1951.
34. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории.— Киев, 1994.
35. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.— XII в.).— Киев, 1977.
36. Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА.— 1987.— № 1.
37. Jones A. H. M. The Cities of Eastern Roman Provinces.— Oxford, 1971.
38. Масленников А. А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. VI.— М., 1995.
39. Braund D. C. Rome and Friendly King.— London, 1984.
40. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье.— М., 1996.
41. Орешников А. В. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК.— 1902.— № 34.

42. Орешников А. В. Киликийские монеты царя Марка Аврелия Полемона // Нумизматический сборник. Т. 1.— М., 1911.
43. Латышева В. А. О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона // Вестн. Харьк. ун-та.— 1981.— № 214.
44. Анохин В. А. Монетное дело Боспора.— Киев, 1986.
45. Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА.— 1965.— № 2.
46. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК.— 1910.— Вып. 37.
47. Ростовцев М. И. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ.— 1989.— № 3.
48. Nadel B. Penetracja Rzymu i wpływy rzymskie po połnocnym wybrzeżu Morza Czarnego // Meander.— 1969.— № 3.
49. Орешников А. В. К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК.— 1921.— Т. 1.
50. Сапрыкин С. Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ.— 1991.— № 2.
51. Онайко Н. А., Дмитриев А. В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ.— 1982.— № 2.
52. Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э.— Киев, 1993.
53. Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов.— Киев, 1985.
54. Фролова Н. А. Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА.— 1976.— № 3.
55. Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья.— Киев, 1982.
56. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья.— Киев, 1989.
57. Фролова Н. А. Монеты Котиса II (123–132 гг. н. э.) // Труды ГИМ.— 1986.— Вып. 61.
58. Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья.— М., 1987.
59. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.— М.; Л., 1954.
60. Taylor L. R. Freedmen and Freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome // AJPh.— 1961.— Vol. 82.— № 2.
61. Zgusta L. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste.— Praha, 1955.
62. Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ.— 1981.— № 4.
63. Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // Нумизматический сборник. Т. 3.— М., 1915.
64. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА.— 1951.— № 16.
65. Карышковский П. О. Из истории монетного дела в Ольвии I–II вв. н. э. // НЭ.— 1971.— Т. 9.

66. Jones C. P. The Roman World of Dio Chrysostom.— Cambridge, 1978.
67. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК.— 1904.— Вып. 10.
68. Буйских С. Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры).— Киев, 1991.
69. Латышев В. В. ПОНТИКА.— СПб., 1909.
70. Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ.— 1960.— № 3.
71. Соломоник Э. И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // ВДИ.— 1996.— № 4.
72. Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ.— 1995.— № 4.
73. Виноградов Ю. Г. Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса (О превратности судеб херсонеситов и их лапидарного архива) // ВДИ.— 1996.— № 1.
74. Brunt P. A. The Romanization of the Local Ruling Classes in Roman Empire // Assimilation et resistance a la culture Greco-Romane dans le monde Ancien.— Paris, 1976.
75. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России.— СПб., 1913.
76. Цветаева Г. А. Грунтовой некрополь Пантикалея, его история, этнический и социальный состав // МИА.— 1951.— № 19.
77. Minns E. H. Scythians and Greeks.— Cambridge, 1913.
78. Белов Г. Д. Римские пристенные склепы № 1013 и 1014 в Херсонесе // ХСб.— 1927.— Вып. 2.
79. Duff A. M. Freedmen in the Early Roman Empire.— Oxford, 1928.
80. Dean L. R. A Study of Cognomina of Soldiers in Roman Legions.— Princeton, 1916.
81. Finly M. J. Ancient Slavery and Modern Ideology.— New-York, 1980.
82. Braund D. C. Client Kings // Exeter Studies in History.— 1988.— № 8.
83. Дложевський С. С. Новий Ольвійський декрет на честь Агатокла Євката // Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія.— Київ, 1927.
84. Иванов Р. Висши чинове и центуриони в римската войска на Горна и Долна Мизия (I—III вв.) // Военноисторически сборник.— 1983.— Кн. 2.
85. Пичикян И. Р. Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья: Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1975.
86. Зубар В. М., Антонова И. А. Новый фрагмент латинского напису з Херсонеса // Археологія.— 1996.— № 1.
87. Sherwin — White A. N. The Roman Citizenship.— Oxford, 1973.
88. Зубар В. М. Ольвія і Боспор у першій третині II ст. // Археологія 1996.— № 1.
89. Крапівина В. В. Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // Археологія.— 1992.— № 2.
90. Зубар В. М. Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях н. е. // Археологія.— 1996.— № 4.
91. Беляев С. А. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса 1961 г. // НЭ.— 1968.— Т. 7.